

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ И КРИТЕРИЯХ ПЕРИОДИЗАЦИИ ЕЁ ИСТОРИИ

Л. Ю. Китова

FORMATION OF SIBERIAN ARCHAEOLOGY AND CRITERIA FOR ITS HISTORY PERIODIZATION

L. Yu. Kitova

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, регистрационный № 33.1175.2014К.

При изучении истории любой науки важно определить период её становления как самостоятельной дисциплины и критерии периодизации истории. В сибирской археологии накоплен определенный опыт в решении этих вопросов (Э. Б. Вадецкая, А. И. Мартынов, В. И. Матющенко, А. В. Жук).

Автором статьи предлагается свой вариант определения периода становления археологии как науки в Сибири, а также уточнение отдельных её периодов.

In studying the history of science it is important to identify the period of its establishment as an independent discipline and criteria for its history periodization. The Siberian archeology has accumulated some experience in solving these issues (E. B. Vadetskaya, A. I. Martynov, V. I. Matyushchenko, A. V. Zhuk).

The author of the paper offers her version of determining the period of establishment of archeology as a science in Siberia, as well as more a precise determination of its specific periods.

Ключевые слова: периодизация истории сибирской археологии, критерии периодизации.

Keywords: periodization of Siberian archeology history, periodization criteria.

Периодизация является важным инструментом познания процесса развития науки, постижения закономерностей и особенностей её истории. Однако создание периодизации истории любой науки архисложное и неблагодарное дело. Оно требует выработки четких критериев, которые должны стать общепринятыми. Между тем, создавая периодизацию, мы понимаем, что периодизация – эта некая схема, которая не отражает всех нюансов развития науки.

Соглашусь с мнением известного исследователя о том, что периодизация истории сибирской археологии основана на периодизации истории отечественной археологии [15, с. 7]. Тем не менее считаю, что уникальное и неповторимое развитие науки на отдельной территории весьма ценно для понимания процессов и тенденций ее развития в других регионах страны, а также для составления целостного представления о периодах развития отечественной археологии.

В сибирской археологии, как и в российской археологии в целом, пока не разработаны единые критерии определения отдельных периодов истории науки. Однако отечественными исследователями сделано многое в этом плане.

Процесс осмысления отдельных критериев периодизации сибирской археологии уже имеет свою историю. Одна из первых периодизаций была предложена Э. Б. Вадецкой [2]. Первый период изучения археологических памятников на Енисее она связывала с путешествиями по Сибири Д. Г. Мессершмидта, Г. Ф. Миллера и Н. Г. Гмелина, П. С. Палласа, имеющими широкие задачи по описанию природно-климатических условий региона, среди которых незначительное место занимали археологические исследования и скупка древних вещей [2, с. 95]. Второй период сибирской археологии, по мнению Э. Б. Вадецкой, охватывает

время от середины XIX в. – до Великой Октябрьской революции и характеризуется сменой ученых-путешественников учеными-лингвистами, публицистами и любителями-археологами, которые ставили перед собой конкретные цели исследования [2, с. 103]. Третий период Эльга Борисовна обозначила узкими хронологическими рамками 1920 – 1943 гг. и указала, что в эти годы в Минусинских котловинах работало более 10 археологических экспедиций. Наиболее результативными были изыскания С. А. Теплоухова, Г. П. Соновского, С. В. Киселева, Л. А. Евтюховой и В. П. Левашевой. Э. Б. Вадецкая отмечает систематические исследования курганов, поселений, сырдутных горнов, сплошное обследование археологических памятников по районам с регистрацией их в соответствии с классификацией С. А. Теплоухова [2, с. 137, 146]. Нижняя граница четвертого периода исследования определена окончанием Великой Отечественной войны, верхняя осталась открытой. Вторая половина 1940-х – 1960-е гг. были ею охарактеризованы появлением новых коллективных участников исследования (Абаканский музей, ХаКНИИЯЛИ, МГУ, новостроечные экспедиции) и проведением ими систематических работ, позволивших выявить новые памятники энеолита, бронзы и железного века, а также совершенствованием методики раскопок. Э. Б. Вадецкая замечает, что увеличивающийся объем информации в этот период приводит к более узкой специализации в рядах сибирских археологов, что способствует появлению монографий, посвященных конкретным историческим периодам, археологическим культурам, отдельным памятникам [2, с. 147 – 156]. Таким образом, Эльга Борисовна определила отдельные периоды развития сибирской археологии, но критерии периодизации не обосновала. В качестве основ-

ных показателей формирования нового периода у неё выступают количество экспедиций, цели изучения и профессионализм исследователей.

А. И. Мартынов, развивая идеи А. А. Формозова [21; 22], В. Ф. Генинга [3], В. Д. Пряхина [17; 18], представил на обсуждение следующие критерии при выделении «крупных этапов развития науки»: фило-софско-методологическая направленность, научные открытия и появление новых научных концепций, новых приёмов процедуры научного исследования и методов извлечения информации, нового решения задач исторической реконструкции. Однако при изложении своей периодизации истории сибирской археологии исследователь в первую очередь использовал разработки В. И. Равдоникаса [19] и всю историю археологии Сибири разделил на две эпохи: феодально-буржуазную и социалистическую [10, с. 11].

Первая эпоха истории археологии, по его мнению, состояла из 4-х периодов:

1-й период с двумя направлениями развития мысли о сибирских древностях – феодальное официальное направление и народные воззрения, период первого знакомства с археологическими памятниками Сибири через сведения землепроходцев, послов и воевод (XVII в. – начало XVIII в.).

2-й период А. И. Мартынов характеризует также двумя направлениями в изучении Сибири – дворянским официальным и демократическим, представленным А. Н. Радищевым. Это период академических экспедиций, начало научного изучения археологических памятников (XVIII в. – начало XIX в., т. е. с 1717 г. до деятельности В. В. Радлова).

3-й период – буржуазно-демократический (до 1880-х гг.), в котором появляются местная интеллигенция, господствуют официальные дворянские концепции и появляются дворянско-революционное и демократическое направления (декабристы, ссыльные поляки).

4-й период – буржуазный с тремя направлениями: буржуазно-либеральное, представленное областниками, буржуазно-демократическое, представленное ссыльными, революционное, буржуазно-националистическое, представленное взглядами М. Ф. Флоринского [10, с. 11 – 12].

Вторая, выделенная А. И. Мартыновым, советская эпоха развития археологии Сибири разделена им на 3 периода:

1-й период (1920 – середина 1930-х гг.) – становление советской археологии Сибири, характеризуется распространением принципов исторического материализма на фоне влияния эволюционизма на археологию.

2-й период (середина 1930-х – конец 1950-х гг.) – практическая реализация принципов историзма и возрастание роли и места археологии в воссоздании истории народов СССР.

3-й современный период начинается с 1960-х гг. и характеризуется широким развитием археологии Сибири в связи с организацией СО АН СССР, ростом научных кадров в Сибири, конкретно-историческими исследованиями и ростом теоретического уровня науки [10, с. 11 – 12].

При правомочности первоначально названных критериев тем не менее периодизация получилась слишком идеологизированной и от этого не всегда обоснованной. Не понятны отличия дворянского официального направления второго периода от господства официальных дворянских концепций третьего периода, а также не ясно, чем отличается третий буржуазно-демократический период от четвертого буржуазного. Не объяснено, почему четвертый период феодально-буржуазной эпохи начинается в 1890-е гг., а не в 1870-е или 1880-е гг.

На наш взгляд, также первые два периода социалистической эпохи развития археологии, выделенные А. И. Мартыновым, не укладываются в рамки формирования и существования новых методологических основ: марксизма или исторического материализма в советской исторической науке, теории стадильности – в археологии.

Сибирские исследователи, занимающиеся историей археологии в советское время, традиционно рубеж нового периода знаменовали Октябрьской революцией [1; 2; 4; 9; 10]. Так было принято официальной историографией истории, и до периода Перестройки в дискуссии по этому поводу никто не вдавался, так как разрешения для публикации иной концепции получить было невозможно.

Ю. Г. Белокобыльский в исследовании истории изучения бронзового и раннего железного века Южной Сибири взял за основу периодизации А. И. Мартынова и Э. Б. Вадецкой, но несколько сгладил идеологизированные моменты схемы Анатолия Ивановича. Таким образом, периодизация Ю. Г. Белокобыльского приняла следующий вид:

Первый период (XVIII в.) характеризуется проведением в Сибири первых научных экспедиций на основе принципов и методов, присущих эпохе просвещения.

Второй период (XIX в. – начало XX в., до 1917 г.) Ю. Г. Белокобыльский разделил на два этапа:

1) первая половина XIX в., когда «происходило отмежевание от методики исследований XVIII в.»;

2) вторая половина XIX в. – начало XX в. – начало становления сибирской археологии как самостоятельной отрасли общерусской исторической науки.

Третий период охватывает время от Октябрьской революции до 1980 г. и подразделяется на три этапа. Ю. Г. Белокобыльский охарактеризовал согласно хронологическим рамкам своего исследования только первый этап (20-е гг. XX в.) третьего периода и связывал его с разработкой С. А. Теплоуховым классификации памятников Южной Сибири. Вопрос о критериях периодизации истории археологии им не рассматривался [1, с. 6].

Несмотря на то, что в советский период учёным не удалось обосновать единые критерии периодизации сибирской археологии, это не умоляет всех остальных достоинств их исследований. Все вышеперечисленные работы богаты ценным фактическим материалом, авторы публикаций глубоко знакомы с проблемами сибирской археологии, используют широкий круг источников и литературы, и до сих пор при изучении вопросов истории археологии Сибири эти книги читаются и цитируются.

Политические изменения, произошедшие в СССР на рубеже 1980-х – 1990-х гг., повлекли за собой перемены в идеологии, смену методологических подходов, открытие архивов и появление нового комплекса источников. Переоценка ценностей в обществе в целом и в области исторических наук в частности привела к повышенному интересу к истории науки, в том числе к истории археологии. Незвестные архивные материалы дали возможность по-новому взглянуть на деятельность крупных исследователей, глубже понять методологическую основу их изысканий, в целом иначе оценить развитие отечественной археологии как в дореволюционный, так и в советский периоды.

В. И. Матющенко проделал колоссальный труд по сбору, обработке и обобщению материалов по 300-летней истории сибирской археологии [11 – 13; 15; 16]. Он полагал, что процесс развития науки проявляется как в деятельности отдельных учёных и научных школ, так и в общем состоянии научной, философской мысли, в уровне культуры общества, в вызревании общих концепций отдельных наук и их совокупности. В. И. Матющенко справедливо заметил, что в силу взаимодействия всех этих факторов не всегда возможно разделить процесс развития науки на отдельные этапы, периоды, отличающиеся явственно друг от друга. Исследователь исходил из того, что история науки представляется единством непрерывного и дискретного в своём развитии. Владимир Иванович, считая величайшие научные открытия критериями периодизации, определяющими новые пути развития науки, отмечал, что новый этап органически связан с предшествующим временем в истории этой науки [15, с. 6].

В. И. Матющенко предложил рассматривать время с конца XVII в. до конца 1930-х гг. как единый период зарождения и становления сибирской археологии и пришел к выводу, что в первые 15 – 17 лет после Октября 1917 г. не произошло каких-либо качественных изменений в методологии археологических исследований, а процесс становления сибирской археологии как науки завершился в 1930-е гг. [15, с. 67 – 69, 102 – 103]. Иногда исследователь доводил верхнюю границу периода становления сибирской археологии до конца 1950-х гг. [14, с. 85 – 86]. На наш взгляд, эта позиция требует уточнения, т. к. 1930-е гг. характеризуются целенаправленным развалом местных центров археологии и репрессиями против сибирских археологов [7, с. 17 – 70]. Кроме того, именно на рубеже 1920 – 1930-х гг. произошла смена методологии науки в исторической науке в целом – это марксизм-ленинизм или исторический материализм, а в археологии, кроме общей методологической основы, вводилась теория стадильности [8, с. 93 – 105].

Согласно мнению В. И. Матющенко новый период истории археологии (конец 1930-х – конец 1950-х гг.) – время поисков организационных форм деятельности и выработки теоретико-методологической базы науки – характеризуется противоречивым развитием. С одной стороны, это накопление фактического материала и официальное признание победы марксистско-ленинской методологии в исторической науке вообще и в археологии в частности; с другой –

теоретическая вялость, борьба с вульгаризацией марксизма в отечественной археологии [15, с. 6 – 7].

Третий период истории сибирской археологии (конец 1950-х/начало 1960-х гг. – конец 1980-х/начало 1990-х гг.) «ознаменован осознанием определенного расширения рамок творческой свободы после XX съезда КПСС (1956 г.)», улучшением политической ситуации в стране, освобождением археологии от марксизма, в организационном плане – созданием Сибирского отделения АН СССР, возникновением в его системе Объединенного института истории, филологии и философии, формированием местных сибирских археологических центров. Сибирские археологи обратились к изучению фундаментальных проблем теории и методологии науки. По верному замечанию В. И. Матющенко, развитие историографического и теоретико-методологического направлений науки свидетельствует о зрелости археологии, которой стали свойственны явления саморефлексии [15, с. 7 – 8; 16, с. 5].

Таким образом, В. И. Матющенко в качестве основных критериев периодизации истории археологии рассматривал структурно-организационное оформление науки как в столицах, так и в регионах, накопление артефактов археологии и использование их в качестве исторических источников, научные открытия и появление новых научных концепций, изменение методологии и методов археологического исследования, связанных как с совершенствованием приемов исследования, так и с изменением политической и идеологической ситуации в стране.

А. В. Жук предложил оригинальную периодизацию истории отечественной археологии, выдвинув в качестве критерия состояние археологического источника. Он исходит из того, что археология «на уровнях памятника, предмета и метода часто сливается со многими другими науками». По его мнению, первая стадия становления археологии как самостоятельной науки в России приходится на 1760-е – 1830-е гг., когда основным археологическим источником был «отдельно взятый предмет». Во второй стадии становления (1830-е гг. – 1880-е гг.) основным археологическим источником становится «археологический комплекс». Следующий этап обозначен как «первая стадия существования археологии как самостоятельной науки», в которой основным археологическим источником выступает «типологический ряд». Автор периодизации датирует его широкими хронологическими рамками: нижняя граница – 1880 гг., верхняя граница открыта [5, с. 4 – 5; 6, с. 417 – 419].

Поиски в таком аспекте нестандартны и возможно перспективны. Тем не менее крайне редко в 1830-е гг. – 1880-е гг. основным археологическим источником становился археологический комплекс. Основным источником этого периода являлся отдельный памятник, а иногда продолжал оставаться и отдельно взятый предмет. В современный период развития науки основным археологическим источником выступает археологический комплекс, а не типологический ряд. К сожалению, не могу согласиться с уважаемым мною А. В. Жуком в том, что типологический ряд стал выступать археологическим источником, исследователи создание типологического ряда используют

именно как метод. У археологов конца XIX – XX вв. не было подмены источника науки методом науки.

Отметим, что только «состояние источника» не характеризует всю полноту развития отечественной археологии во все выделенные исследователем периоды, а особенно в период с 1880 г. и по сегодняшний день. Целесообразно было бы последний период поделить на отдельные этапы. Все же периодизации составляются для более четкого понимания самой науки, законов её развития, её предмета, методов, а также для определения дальнейших путей развития науки. Современная археология как наука, а также научное сообщество в организационном оформлении и в методологической направленности сильно изменились по сравнению с концом XIX в.

Нам кажутся очень перспективными предложенные И. Л. Тихоновым критерии, свидетельствующие об институализации археологии. «Это проведение раскопок с научными целями, описание и классификация памятников, формирование и разработка исследовательских методов, появление оригинальных и периодических изданий, создание государственных и общественных организаций, ведущих исследования и собирающих коллекции древностей, преподавание археологии в учебных заведениях» [20, с. 6]. Правда, с помощью этих критериев можно определить только период первоначального становления науки, но это один из самых важнейших периодов развития археологии.

При анализе процесса институализации сибирской археологии, кроме предложенных И. Л. Тихоновым критериев, мы использовали такие, как формирование понятий «объект», «предмет» и «методы» археологических исследований, когда объектом науки выступает вся совокупность археологических источников (предметы, памятники, комплексы), под предметом понимается изучение дописьменной истории человеческого общества.

При этом мы исходили из того, что классификации памятников должны содержать весь комплекс артефактов, систематизированных в хронологическом типологическом ряду, т. е. должен использоваться основной метод археологического исследования – типологический.

Итак, сибирская археология, как и отечественная археология в целом, прошла длительный период первоначального становления. Зарождение ее связано с первыми научными экспедициями Д. Г. Мессершмидта в 1719 – 1727 гг., а окончательное формирование археологии как самостоятельной научной дисциплины в Сибири завершилось в 1920 гг. Этот период имел свое яркое начало – академические экспедиции XVIII в., этап расцвета – 1870 – 1890-е гг., и блестящий завершающий этап взлета идей и исследований в 1918 – 1920-е гг.

Период становления сибирской археологии, на наш взгляд, нельзя ограничить концом XIX в. – началом XX в., так как процесс оформления археологии как самостоятельной науки не был завершен к этому времени.

Безусловно, мощный импульс к развитию археологии дал общественный подъем, обусловленный реформами 1860-х гг. 1870 – 1890-е гг. в истории сибирской археологии характеризуются созданием новых

отделов ИРГО, музеев, концентрацией вокруг этих учреждений единомышленников, заинтересованных в изучении древностей Сибири, накоплением археологических источников [8, с. 15 – 38]. Были открыты первые палеолитические стоянки (Иркутский госпиталь, Афонтова гора, Томская стоянка) и доказана древность существования человека в Сибири, исследован первый неолитический могильник в России (в устье р. Китой). При раскопках памятников эпохи камня были разработаны новые методики исследования (Н. Ф. Кашенко, Н. И. Витковский). Созданы первые классификации орудий эпохи камня (И. Т. Савенков). Исследованы сотни погребений эпохи бронзы и железа в Саяно-Алтайском нагорье. Предпринято создание классификаций погребальных памятников (В. В. Радлов, И. П. Кузнецов-Красноярский), в том числе отражающих всю полноту представленных наземных сооружений в Минусинской котловине (Д. А. Клеменц). Созданы первые классификации археологических коллекций (Д. А. Клеменц, И. Т. Савенков). Внедрены более совершенные методики раскопок погребальных памятников (Д. А. Клеменц, И. П. Кузнецов-Красноярский, А. В. Адрианов). Разработаны научный подход к фиксации наскальных рисунков и новые методы копирования петроглифов (А. В. Адрианов). Сибирскими исследователями предпринимались попытки определения этнической принадлежности археологических памятников (В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов). В. В. Радловым была высказана идея существования в Южной Сибири единой культуры бронзы, которую отечественные исследователи будут поддерживать до 1920-х гг. Одной из черт сибирской археологии конца XIX – начала XX вв. стали создание и публикация каталогов музеев. Было положено начало разработке и внедрению комплексного подхода (В. В. Радлов). Создана первая культурно-хронологическая периодизация, отразившая основные тенденции развития культур Южной Сибири от эпохи бронзы до «енисейских кыргызов», но не содержащая всей полноты погребальных памятников региона (В. В. Радлов). Составлена первая археологическая карта памятников Южной Сибири (Д. А. Клеменц). В. В. Радлов, Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов приступили к историческим реконструкциям археологических материалов. Сибирские исследователи были сторонниками эволюционизма и придерживались идеи об автохтонном, длительном, преемственном развитии культур. Основой прогресса считалось совершенствование техники и орудий труда. Развивая эволюционистские идеи, исследователи сформулировали основные цели археологического познания: подняться до общей задачи науки о человеке – до создания полного учения об эволюции первобытных обществ, их развитии и упадке, их образовании и трансформации (Д. А. Клеменц).

Однако необходимо отметить, что в рассматриваемый период наблюдалась бессистемность в изучении археологических памятников. К началу XX в. в сибирской археологии так и не был завершен процесс классификации комплексов артефактов, не созданы типологические ряды вещей в относительно-хронологической последовательности, соответственно не было выделено археологических культур. Многие

важные проблемы просто не рассматривались, например, вопрос о генезисе палеолита и неолита, о критериях выделения неолита, не были определены абсолютные даты. Уровень теоретических разработок в сибирской археологии отражал период становления первобытной археологии в России в целом, но в отличие от европейской России в Сибири не было создано системы подготовки специалистов-археологов, и важный фактор передачи знаний от учителя к ученику отсутствовал. Таким образом, завершения процесса становления археологии как науки в Сибири в конце XIX в. не произошло.

Завершился процесс институализации сибирской археологии в 1920-е гг., когда окончательно утвердился профессионализм в науке. Благодаря усилиям сибирских ученых и деятельности министерства просвещения правительства А. В. Колчака, в 1918 – 1919 гг. было организовано преподавание археологии в Иркутском (с 1918 по 1926 гг.) и Томском (с 1919 по 1922 гг.) университетах. Работа в Сибири ряда авторитетных исследователей, а также подъем краеведческого движения в 1920-е гг. способствовали созданию сибирских исследовательских центров археологии (Томск, Иркутск, Красноярск). Археологов-любителей конца XIX – начала XX в. сменили специалисты, получившие палеоэтнологическое (С. И. Руденко, С. А. Теплоухов, Г. П. Грязнов, Б. Э. Петри), археологическое (Н. К. Ауэрбах, В. П. Левашева, С. М. Сергеев, В. Г. Карцов), историческое (Г. П. Сосновский, Г. П. Дебец, М. М. Герасимов, И. М. Мягков) образование.

Была создана обширная источниковедческая база, и значительно расширена территория исследования. Наряду с традиционным изучением Хакасско-Минусинского района, Алтая, Западного Забайкалья активно начинают исследоваться Красноярско-Канская лесостепь, Тува, долина реки Ангары, верховья Лены. В область изучения попадают районы Нижнего и Нарымского Приобья. Остальные районы Сибири характеризуются единичными или случайными археологическими работами.

С. А. Теплоухов (Минусинская котловина, Тува), Б. Э. Петри и его ученики (Прибайкалье), В. Г. Карцов (Красноярский край) ввели практику проведения планомерных систематических исследований, что привело к завершению типологических разработок и созданию хронологических рядов комплексов памятников и инвентаря. Была определена относительная хронология археологических памятников Сибири от палеолита до средневековья. На основе всестороннего анализа материалов, полученных в результате раскопок, были созданы для отдельных регионов Сибири первые классификации культур: С. А. Теплоуховым – для Минусинского края и Тувы, Б. Э. Петри – для Прибайкалья, В. Г. Карцовым для Красноярско-Канской лесостепи. В. И. Громов на основе геологических и палеонтологических материалов древних стоянок разработал первую периодизацию сибирского палеолита. В первую очередь, по уровню разработанности и глубине анализа отличалась периодизация культур, созданная С. А. Теплоуховым и охватывающая памятники от энеолита до средневековья включительно. Она не потеряла своего научного значения до

сих пор и послужила основой для создания периодизаций археологических культур соседних регионов. Первая культурно-хронологическая стратиграфия неолитических памятников, разработанная Б. Э. Петри на основе многослойного поселения Улан-Хада, также сохранила свою роль опорного памятника для периодизации древней истории Прибайкалья.

Археология в Сибири утвердилась как наука, сочетавшая полевые изыскания с теоретическими обобщениями. Ученые старой дореволюционной школы – Б. Э. Петри, С. А. Теплоухов, используя в археологическом изучении Сибири данные этнографии, антропологии, географии и некоторых естественных наук, заложили основу для комплексного исследования этого региона. Они также рассматривали развитие древней истории в целом и археологических культур в частности, исходя из природно-климатического контекста. В 1920-е гг. ведущие теоретические позиции в сибирской археологии занимала палеоэтнологические концепции.

В 1920-е гг. было положено начало решению вопроса о происхождении сибирского палеолита. Если Г. Мергарт считал его привнесенным из Европы, то основная часть сибирских исследователей (Н. К. Ауэрбах, Г. П. Сосновский, В. И. Громов) рассматривали сибирский палеолит как особую форму североазиатского. Б. Э. Петри была поставлена проблема о переходном периоде от палеолита к неолиту, выдвинут вопрос о происхождении неолита Сибири как автохтонного, сформировавшегося на местной палеолитической основе. Впервые в археологии Сибири были выделены ранние этапы эпохи бронзы – глазковские энеолитические памятники (А. П. Окладников) и афанасьевская культура (С. А. Теплоухов). Среди исследователей утвердилось мнение о том, что переход к эпохе бронзы не происходил одновременно на всей территории Сибири. Г. Мергарт, Г. П. Сосновский, Г. Ф. Дебец, В. И. Подгорбунский считали, что в тот период, когда на юге Сибири уже существовала развитая культура бронзы, на севере, в таежной полосе Сибири древнее население находилось на стадии неолитической культуры. Особой точки зрения по этому вопросу придерживался Б. Э. Петри, отрицавший наличие бронзовой культуры в Прибайкалье. С. А. Теплоуховым была опровергнута идея о существовании в Минусинской котловине на протяжении длительного периода единой бронзовой культуры и выделены четыре самостоятельных культуры, развивающихся преемственно, но с включением инновационных элементов, проявляющихся в первую очередь в инвентаре (особенно в керамике) и погребальном обряде. По мнению исследователя, основным импульсом для развития культур в Южной Сибири эпох бронзы и железа было влияние с юга. Впервые в археологии Сибири С. А. Теплоуховым было изложено мнение по абсолютным датировкам памятников. Как показывает анализ публикаций и архивных материалов, по уровню теоретических разработок С. А. Теплоухов занимал ведущие позиции в сибирской археологии 1920-х гг.

Таким образом, процесс становления археологии как самостоятельной дисциплины растянулся на несколько веков и завершился только в 1920-е гг., когда был собран и систематизирован круг археологических

источников в отдельных сибирских регионах от эпохи камня до средневековья и были выделены первые археологические культуры на территории Сибири, разработаны новые научные методы археологических исследований, стали создаваться археологические центры из профессиональных археологов, было введено преподавание археологии в сибирских университетах.

Следующий период (1930-е – 1980-е гг.) также состоит из нескольких этапов: первый, отмеченный уничтожением старых идей и части исследователей и широким, часто насильственным, внедрением нового теоретического направления – исторического материализма, ограничен нами началом 1930-х – серединой 1950-х гг.

Для развития сибирской археологии этого этапа характерен двойственный процесс. С одной стороны, к началу 1930-х гг. были уничтожены зарождающиеся сибирские центры археологии. Были репрессированы десятки исследователей археологов и краеведов. Была прервана недавно созданная традиция передачи знаний и подготовки кадров. В сибирских музеях с середины 1930-х гг. почти не работали специалисты-археологи. С другой стороны, именно в 1930-е – первой половине 1950-х гг. исследователями из Москвы и Ленинграда были проведены масштабные экспедиции. Несравнимо со всеми предыдущими периодами была увеличена источниковедческая база, исследованы совершенно новые районы Сибири, не входившие ранее в зону изучения. Массовый археологический материал позволил выйти на совершенно новый уровень теоретического осмысления путей развития древних культур в Сибири. По материалам изысканий были написаны крупные монографические труды, подводящие некоторые итоги в изучении археологических памятников и содержащие исторические реконструкции далекого прошлого племен и народностей Сибири. В сибирской археологии к середине XX в. были широко разработаны методы относительной датировки памятников и получены абсолютные даты.

Несмотря на то, что методологической основой исторических исследований официально считался марксизм, а в археологии до 1950 г. – теория стадильности, однако большинство археологов-сибиреведов не придерживались идей «вульгарного марксизма». Ориентируясь на эволюционно-палеоэтнологические позиции, исследователи отмечали преемственность и традиционность в развитии археологических культур Сибири. Они продолжали традицию 1920-х гг. и применяли комплексный подход в археологических исследованиях, при исторических реконструкциях в большей или меньшей степени учитывали естественную среду обитания древних людей и природно-климатические условия развития археологических культур. Новые естественнонаучные методы исследования в археологии были предложены М. П. Грязновым и С. И. Руденко. Наряду с археологическими материалами этнографические данные стали составлять важную часть источников для реконструкции древней истории. Впервые А. П. Окладниковым и В. Н. Чернецовым были подняты вопросы этногенеза племен, выделены этнокультурные области Сибири.

Впервые были рассмотрены вопросы генезиса палеолита, предложены периодизации его развития (Г. П. Сосновский, А. П. Окладников). А. П. Окладников разработал культурно-хронологическую схему неолита Прибайкалья, которая претерпела существенные изменения только в 1990 – 2000-е гг.

М. П. Грязнов на основе периодизации культур С. А. Теплоухова создал периодизацию памятников Алтая эпохи металлов. С. В. Киселев подтвердил и уточнил на массовом материале положения периодизации культур С. А. Теплоухова, а также воссоздал на основе археологических и письменных источников древнюю историю Южной Сибири с эпохи неолита до XIII в. включительно.

Впервые для Верхнего и Нижнего Приобья были выстроены типолого-хронологические ряды артефактов и разработаны периодизации культур (М. П. Грязнов, В. Н. Чернецов).

Развивая палеоэтнологические традиции, С. И. Руденко монографически исследовал материальную и духовную культуру населения Алтая скифского времени, М. П. Грязнов – племен Верхней Оби от эпохи бронзы до X в., В. Н. Чернецов – племен Нижнего Приобья от неолита до XIII в. М. П. Грязнов ввел понятие «эпоха ранних кочевников», обосновал ее существование исторически, выделил в этой эпохе отдельные периоды.

Исследования 1930-х – середины 1950-х гг. заложили основные принципы изучения археологических памятников Сибири в современный период. Эти изыскания и теоретические разработки положили начало многим новым научным направлениям.

Расцвет второго периода сибирской археологии приходится на второй этап (вторая половина 1950-х гг. – начало 1990-х гг.). В 1956 г. на XX съезде КПСС был развенчан культ Сталина. Начался так называемый период «оттепели», который давал ученым возможность высказывать новые идеи, дискутировать по проблемам развития древнего и средневекового общества. Это в первую очередь дискуссия об «азиатском» способе производства. В середине XX столетия начался новый этап археологического изучения Сибири, связанный, прежде всего, с новым формированием местных научных центров, продолжающих успешную деятельность до настоящего времени. С начала 1950-х гг. в Барнауле начинает работать А. П. Уманский, в Томске В. И. Матющенко (1952), в Кемерово – А. И. Мартынов (1955), в Новосибирске – Т. Н. Троицкая (1957). В 1957 г. принято постановление «О создании Сибирского отделения АН СССР». В 1961 г. переезжает в Новосибирск А. П. Окладников. Создание Института истории, филологии и философии СО АН СССР под его руководством (1966 г.) стало мощной организационной и научно-исследовательской основой для дальнейшего развития сибирской археологии, формирования и укрепления местных археологических центров, для создания археологической школы в Академгородке. Изучение созданных в 1960 – 1980-е гг. сибирских самостоятельных археологических центров, выявление особенностей их развития требует специального исследования.

Кроме того, мы считаем, что очень сложно оценивать современную историю археологии, не всегда

можно определить значение тех или иных открытий для дальнейшего развития науки, оценить вклад современных исследователей. Мы остаёмся субъективными в своих суждениях. Конечно, для объективной оценки необходимо время и некая беспристрастность исследователей, которые со стороны, из другого времени смогут взглянуть на нашу историю и проанализировать тенденции её развития. Поэтому мы не ставим перед собой задачу определить периоды развития современной археологии Сибири.

В настоящий момент мы поддерживаем тех исследователей, которые считают основными критерия-

ми периодизации: научные открытия и появление новых научных концепций, новых методов научного исследования и методов извлечения информации, формирование центров научных исследований. В рамках статьи этот вопрос не рассмотрим, но так как почти во все периоды русской истории сильное государство руководило обществом, то изменения в методологии науки, связанные с идейно-политическими процессами в обществе, мы также полагаем, необходимо учитывать в качестве критериев периодизации.

Литература

1. Белокобыльский Ю. Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 1986. 168 с.
2. Вадецкая Э. Б. К истории археологического изучения Минусинских котловин // Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово, 1973. Вып. 6. С. 91 – 159.
3. Генинг В. Ф. Очерки по истории советской археологии. Киев: Наукова думка, 1982. 226 с.
4. Демин М. А. История археологического изучения Алтая: (дооктябрьский период): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1981. 22 с.
5. Жук А. В. Организация археологических исследований в Западной Сибири. 1860 – 1920-е годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 1995. 29 с.
6. Жук А. В. Периодизация истории отечественной археологии // Современные проблемы археологии России: материалы Всероссийского археологического съезда. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2006. Т. II. С. 417 – 419.
7. Китова Л. Ю. История сибирской археологии (1920 – 1930-е годы). Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2007. 272 с.
8. Китова Л. Ю. История археологии Сибири: идеи и исследования (XVII в. – середина XX в.): учеб. пособие. Кемерово: КемГУ, 2014. 228 с.
9. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. 1: Азия и проблема родины человека (история идей и исследования). Новосибирск: Наука, 1969. 338 с.
10. Мартынов А. И. Историография археологии Сибири: учеб. пособие. Кемерово: КемГУ, 1983. 76 с.
11. Матюшенко В. И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов): учеб. пособие. Омск: ОмГУ, 1992. 138 с.
12. Матюшенко В. И. Сибирская археология в 1940 – 1950-е годы: учеб. пособие. Омск: ОмГУ, 1994. 101 с.
13. Матюшенко В. И. Археология Сибири 1960 – начала 1990-х гг.: проблематика: учеб. пособие. Омск: ОмГУ, 1995. 128 с.
14. Матюшенко В. И. Некоторые явления формирования научных центров сибирской археологии в 1920 – 1950 гг. // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: тезисы докладов Всероссийской научной конференции (Омск, 19 – 20 октября 2000 г.). Омск: ОмГУ, 2000. С. 85 – 88.
15. Матюшенко В. И. Триста лет истории сибирской археологии. Омск: ОмГУ, 2001а. Т. I. 178 с.
16. Матюшенко В. И. Триста лет истории сибирской археологии. Омск: ОмГУ, 2001б. Т. II. 173 с.
17. Пряхин А. Д. Советская археология: периоды и этапы развития: программа спецкурса. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1982. 16 с.
18. Пряхин А. Д. Первый период развития советской археологии (1917 – сер. 30-х гг.): программа спецкурса. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1983. 12 с.
19. Равдоникас В. И. За марксистскую историю материальной культуры // Известия ГАИМК. Т. 7. Вып. 3/4. Л., 1930. 94 с.
20. Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбУ, 2003. 332 с.
21. Формозов А. А. Очерки по истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 128 с.
22. Формозов А. А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии // СА. 1975. № 4. С. 5 – 13.

Информация об авторе:

Китова Людмила Юрьевна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, lyudmila.kitova@mail.ru.

Liudmila Yu. Kitova – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.